

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

О человечестве и человечности

*Каждый хочет изменить человечество,
но никто не задумывается,
как изменить самого себя.*

Л.Н.Толстой

Аннотация. В условиях глобализации вопрос о том, что такое человечество, трансформируется в вопрос «как возможно человечество». В статье показано, что непреодолимым препятствием на пути социокультурного единения человечества являются национальные государства как инстанции легитимного насилия и цивилизационно обусловленные различия культур, каждая из которых претендует на абсолютность. Выдвигается гипотеза, согласно которой человечество может обрести реальность только в качестве человечности. Речь идет об изменении (возвышении) природы человека, закреплении родовой сущности человека в каждом человеческом индивиду. Такое изменение возможно в рамках логики негативной этики через внедрение абсолютных запретов, прежде всего запрета на убийство (насилие), подобно тому, как некогда были закреплены запреты на каннибализм и инцест.

Ключевые слова: человечество, человечность, глобализация, национальное государство, негативная этика, насилие, ненасилие.

Представления о человечестве прямо связаны с понятием «человек». Они начали складываться по мере перехода от родоплеменных форм организации совместной жизни людей к территориальным, что предполагало и требовало разведения понятия человека и самоназвания племени. Речь шла о таком расширении человеческого кругозора, который включал бы также чужих (представителей других, соседствующих, племен, языков, народов), исходя из убеждения, что чужие тоже являются людьми. Такое расширение произошло в так называемое осевое время, когда в рамках мировых религий и философских учений складывается человекоцентрированный взгляд на мир и

вырабатывается абстрактное понятие человека, имеющее акцентированный нормативный смысл. Если говорить предельно обобщенно, человек был осмыслен как существо незавершенное, занимающее срединное положение в мире между животными и богами, бытие которого дано не как факт, а как задача, в значительной степени решаемая им самим в индивидуальных и коллективных усилиях. Существенное место в таком образе человека занимали требования, которые предписывают индивиду относиться ко всем людям как к самому себе, согласно правилу, получившему впоследствии название «золотое правило нравственности» и представленному во всех сформировавшихся в осевое время мировых культурах. Важно подчеркнуть: предельное расширение человеческого кругозора, позволившее включить в него также чужих, было сопряжено с одновременным переосмыслением бытийного статуса человека в мире и его ценностным возвышением.

1

Этически акцентированная абстракция человека предполагает и задает понимание человечества как совокупности всех людей и одновременно как точки отсчета нравственных оценок. Именно такая традиция употребления понятия «человечество» превалирует в гуманитарной лексике вплоть до наших дней: мы говорим об интересах человечества, его надеждах, целях, ожиданиях, грозящих опасностях и т.п., выступаем от имени человечества, делаем что-то ради его блага, скорбим по человечеству, гордимся человечеством, разочаровываемся в нем и т.п. Заложённая в таком понимании идея единства человека и человечества, как если бы человечество как неопределённое множество людей ничем качественно не отличалось от отдельных человеческих индивидов и их первичных объединений, оказывается на первый взгляд уязвимой в свете современных научных представлений и тенденций общественного развития, маркируемых понятием глобализации. В предлагаемых заметках я попытаюсь поставить вопрос о том, действительно ли это так и можно ли человечество рассматривать как историческую форму общности, а отношение: человек и человечество – как

однотипное с отношением: человек и общество или по аналогии с ним.

Человечество представляет собой, прежде всего, биологическую популяцию определенного вида – человека разумного, совокупность всех живущих и живших когда-либо на земле индивидов, представляющих этот вид. Оно, как считается, венчает (возможно, завершает) биологическую эволюцию и переводит свое бытие в новую – общественную – форму, создает вторую, над-биологическую, среду своего обитания – культуру, которая производится, поддерживается и наследуется индивидами и их объединениями в процессе их прижизненной активности и закрепляется в символических формах информации. Человечество есть синтез биологического и социального, оно является таковым и на уровне популяции в целом, и на уровне каждого человеческого индивида: благодаря искусственно создаваемой социальной среде и колоссальным технологическим возможностям, человечество как вид победило в борьбе за существование и превратило планету в свою экологическую нишу; каждая человеческая особь оказывается жизнеспособной и реализует свое деятельное существование также благодаря соединению генетической информации с культурной.

Среди специалистов нет бесспорного единства по вопросу о том, было ли происхождение человека однократным процессом и, возникнув в одном месте (в восточной Африке), он расселился по всей планете, или оно происходило многократно в разных частях света. Что касается социальной эволюции, то мы можем с высокой степенью достоверности утверждать, что это был многократный процесс, а в какой-то мере и остается еще таковым. Культурное развитие проходило по различным самостоятельным и независимым друг от друга линиям, которые как маленькие ручейки соединялись между собой, образуя в итоге большие полноводные реки. По такой схеме вероятнее всего возникали известные нам, в том числе дошедшие до наших дней, цивилизации со своей собственной автохтонной историей становления и развития, – цивилизации, которые, кстати сказать, первоначально и складывались вдоль больших рек.

Удивительным в социально-культурном развитии человечества является то, что оно, хотя осуществлялось в форме различных самостоятельных цивилизаций, тем не менее, протекало по неким общим законам и сопоставимым друг с другом линиям, проходило через одни и те же стадии, идентичность которых является особенно высокой в случае форм производства (собираательство, охота, земледелие, скотоводство, индустриальное развитие). Даже деление на исторические периоды (древность, средние века, новое время) оказывается универсальным и с теми или иными уточнениями приложимо к каждому из потоков цивилизационного развития. Оставляя в стороне вопрос о роли взаимных влияний, которые в какой-то форме все-таки имели место, и даже допуская, что этих влияний было больше, чем мы знаем, следует признать, что такая выравненность линий развития свидетельствует об объективности социальной эволюции, позволяет осмыслить ее как процесс, который протекает независимо от состава, целей и сознательных усилий участвующих в нем людей, хотя и реализуется через их деятельность.

Развитие человечества протекало в форме самостоятельных цивилизаций, в целом соотнесенных (хотя и не совпадающих) с различием рас. Уже в наше время они пришли в систематическое соприкосновение, и человечество стало приобретать контуры эмпирического целого. Это началось, по крайней мере, с тех пор, как технологически вырвавшаяся вперед Западная цивилизация начала распространять свое влияние, колонизировать весь остальной мир. Новым этапом на этом пути стали процессы, получившие название глобализации, в ходе которых человечество становится единым, жизненно взаимосвязанным в том, что касается экономики, финансов, транспортных и коммуникационных линий; складываются наднациональные органы организации международных отношений (ООН, ВТО, МВФ, регулярные саммиты и т.п.), широкие масштабы приобретает свободное перемещение людей. Однако, еще более зримым признаком складывающегося единства судеб и интересов человечества как целого являются нависшие над ним глобальные угрозы.

Оставим в стороне сложный вопрос сочетания биологической эволюции и социального развития, нам достаточно подчеркнуть в качестве очевидного тот факт, что социальное развитие человечества продолжает биологическую эволюцию или надстраивается над ней, но в любом случае протекает автономно и несравненно динамичней, чем природный процесс в человеке. Более того, природные факторы (и экологическая среда, и телесный строй самого человека) оказываются вторичными по отношению к факторам историческим, социальным и культурным. Это подтверждается тем (хотя не только этим), что глобальные вызовы и опасности имеют, если не исключительно, то преимущественно социальную природу, являются руковорными: безусловное доказательство этого – опасность ядерного самоуничтожения человечества. Преодоление глобальных опасностей зависит как от способности людей (индивидов и, в особенности, их коллективных объединений, общностей) действовать во имя человечества, так и от способности самого человечества действовать как единое целое.

2

На пути глобального сплочения человечества, перехода от его номинального единства, запечатленного в моральных императивах, эстетических и иных идеалах, к реальному единству, воплощенному в повседневности совместной жизни людей, стоит многотысячелетняя инерция исторического развития человечества в форме отдельных самостоятельных цивилизаций. Стоит прочно, непробиваемо. Прежде всего это касается двух фундаментальных особенностей.

Одна особенность состоит в том, что каждая цивилизация становилась, укреплялась, расширялась в борьбе (в том числе и, даже в первую очередь, насильственной борьбе) между входившими в ее орбиту обществами (странами), а также между социальными группами внутри этих обществ (стран). Пусть даже, допустим, насилие не было основной движущей силой предшествующей истории как объективного процесса, но оно, в чем нет никакого сомнения, было неотъемлемым и одним из основных средств, реализующих ее сознательные действия. И в настоящее время еще продолжается – основанная на насилии – борьба народов и государств за доминирование, господ-

ство как в рамках своего цивилизационного пространства, так и, в особенности, на стыке различных цивилизаций. Как бы то ни было, к современному своему состоянию цивилизации пришли с огромным опытом войн и социального насилия, с глубоко укорененными и всесторонне поддерживаемыми убеждениями и привычками силой защищать свои интересы. О том, как глубоко насилие укоренено в ткани общественного существования современных обществ, свидетельствует тот факт, что оно не только цементирует практику человеческих взаимоотношений как внутри государств, так и в их взаимных отношениях, но плюс к тому еще обосновывается, оправдывается властвующими над умами конфессиональными и интеллектуальными силами, хотя, правда, и делается это с некоторыми стыдливими и логически ущербными оговорками. За ним стоят не только президенты и генералы, но также философы и священнослужители. Неслучайно, из представленных сегодня в мире цивилизаций, сопоставимых по своим масштабам и историческим претензиям, по крайней мере, четыре (европейская в двух относительно самостоятельных подвариантах – западном и российском, Китай и Индия) уделяют первостепенное внимание вооруженному потенциалу и обзавелись ядерным оружием. А еще одна, пока разрозненная внутри себя, не имеющая несомненного лидера исламская цивилизация, также идет в этом направлении, компенсируя свое отставание в обычных вооружениях таким необычным, но чрезвычайно сильным средством насилия, как терроризм.

Другая особенность заключается в следующем: каждой цивилизации соответствует своя культура, имеющая всеобщую природу. Каждая из них мыслит себя как универсальный исторический проект, выражение всечеловеческой и безусловной истины. Каждая цивилизация порождает, получает продолжение и закрепление в культуре, которая претендует на универсальность, на всемирный масштаб, как если бы вообще она была одной единственной или, по крайней мере, самой достойной. Единого, исторически целостного человечества в реальности не существовало в прошлом и не существует сегодня. Но оно существовало идеально, в форме культуры. У каждой цивилизации есть своя идея человечества, позволяющая ей мыс-

лить себя центром и средоточием мира. Касаясь старого спора о соотношении культуры и цивилизации, следует заметить, что культура выражает дух цивилизации, закрепляет ее претензии на всеобщность и универсальность, а тем самым и несовместимость с другими цивилизациями. Культура, словно панцирь, придает каждой из цивилизаций герметичность, позволяющую, даже принуждающую сознавать себя как единственную, не как одну из многих (или нескольких), а именно единственную.

Цивилизации, развивавшиеся до настоящего времени каждая своим путём, в рамках своего культурного оформления, исторической инерции, более или менее локально очерченной территории, сошлись вместе, уперлись «головами» друг в друга, в результате чего их существование в прежних автономных режимах оказывается более невозможным, а их дальнейшая судьба будет зависеть от того, смогут ли они подняться над самими собой и обрести устойчивость под единым куполом. Глобализация, этот набирающий силу тренд современного мирового развития, является попыткой перехода от многотысячелетнего процесса развития человечества в форме отдельных цивилизаций к его существованию в качестве единой цивилизации или суперцивилизации. Успех такого перехода далеко не предзадан; конечно, всякий переход, наряду с возможностями, включает в себе и риски, и в этом смысле человеческое будущее (индивидов и общества в целом) всегда было и остается вероятностной величиной, однако степень такой вероятности является разной. В настоящее время будущее человечества менее гарантировано, чем когда либо раньше. Ведь глобальные угрозы глобальны не только в том смысле, что касаются всех, но и в том, что они угрожают всем, поскольку под вопросом оказывается само существование человечества. Говоря о различных цивилизационных линиях развития человечества, следует иметь в виду, что сами эти цивилизации никогда не представляли собой в прошлом и не представляют сегодня некой единой общности и политической организации, они скорее были неким культурным куполом, объединявшим, хотя и родственные по происхождению, но тем не менее всегда конфликтовавшие между собой народы и их государственные образования. Их внутренняя конфликтность становится наиболее на-

пряженной, острой и масштабной на стадии образования национальных государств, неизбежно вступающих в борьбу между собой за господство. И когда речь идет о схождении (взаимодействии, конфликте, диалоге и т.д.) цивилизаций в условиях нарастающей глобализации, то имеются в виду не сами абстрактные цивилизации, а вполне конкретные национальные государства, имеющие, разумеется, в качестве одной из характеристик также свою цивилизационную принадлежность. Уже прошло более двадцати лет, как С. Хантингтон высказал мысль о столкновении цивилизаций в качестве одного из признаков новой начавшейся эпохи в международных отношениях. Речь, в частности, шла о том, что после холодной войны линией разделений в международных конфликтах становятся не идеологии, а культуры, и что сами конфликты из внутрицивилизационной сферы перемещаются в межцивилизационную. Оценивая эти утверждения, в частности, в свете опыта постсоветской России, можно заключить, что первое из них оказалось верным, а второе – нет. В самом деле, полный отказ России от идеологической конфронтации с Западом, как и от самой побуждавшей к такой конфронтации коммунистической идеологии (и даже, как формально прокламировано, от идеологии вообще), и переход в своих идейных и ценностных приоритетах на позиции Запада не изменил самой архитектоники ее отношений с Западом, которые остаются очевидно конкурентными, ближе к конфронтационным. В то же время конфликты на постсоветском пространстве, которые можно охарактеризовать как внутрицивилизационные, никуда не исчезли и скорее усиливаются, чем ослабевают. В этом отношении показателен такой пример. В качестве иллюстрации своего тезиса о том, что конфликты переходят в межцивилизационную сферу, Хантингтон ссылается на опыт преодоления назревавшего военного столкновения между Украиной и Россией в начале 90-х годов, сопровождая это замечанием, что речь идет о двух славянских, в основном православных народах с многовековыми тесными связями. И они тогда, в начале 1993 года, как пишет Хантингтон, успешно решали возникшие разногласия в рамках переговоров, в то время как на территории бывшего Советского Союза на Кавказе шли бои между, как он пишет, мусульманами и христианами.

Внутрицивилизационный, по терминологии Хантингтона, конфликт, который не случился в отношениях между Россией и Украиной тогда, случился через двадцать лет. В то же время так называемый межцивилизационный конфликт на Кавказе вполне успешно преодолен. Этот пример не опровергает утверждение о цивилизационных основах современных конфликтов, но он, как и множество аналогичных примеров в других регионах, показывает, что сами цивилизации представлены конкретными государствами со своими интересами, которые определяются не только цивилизационной принадлежностью и для которых она не является пределом и ограничением в их действиях, экономических, политических, военных и прочих союзах. Движущими силами мировой политики на сегодняшний день остаются национальные интересы, а ее субъектами – национальные государства. Они же, национальные государства, воплощают те упоминавшиеся особенности предшествующего развития, которые стоят на пути перехода человечества к единению как к новому качественному состоянию исторической эволюции: они являются инстанциями легитимного насилия, и они же выступают хранителями соответствующих культурных форм.

В той мере, в какой можно говорить о столкновении цивилизаций, его субъектами остаются национальные государства. Глобальные интересы и вызовы, а вместе с ними и сама идея человечества, опираются в партикуляризм и конфликтность национальных интересов. Вопрос о возможности адекватных ответов на них оказывается прежде всего вопросом о возможности преодоления национальных разделений в более высоком синтезе. Будет ли когда-нибудь национальная разобщенность преодолена в некой сверхнациональной (постнациональной) общности, подобно тому, как нации преодолели этноплеменную разобщенность, и будет ли многообразие языков дополнено неким единым для всех эсперанто – это на сегодняшний день сценарий, хотя и не полностью закрытый, но маловероятный. В общественном сознании его нет даже в виде утопии. Движение идет скорее в обратном направлении. В культуре центробежные силы преобладают над центроостремительными, если вообще допустимо пользоваться этими поня-

тиями применительно к культуре. Можно даже задуматься: не является ли разворот этики от абстрактных и в силу своей абстрактности общечеловеческих нормативных программ в сторону многообразных практических приложений также одним из выражений этой тенденции?

Точно так же проблематичным и еще менее вероятным остается возможность социальной консолидации человечества вокруг одного (единого) властного центра легитимного насилия, образование некоего государства в мировом масштабе. Опыт говорит о том, что открываемые глобализацией возможности рассматриваются доминирующими сегодня нациями-государствами как шанс получить такое превосходство в военной силе, которое позволит наконец-то осуществить те всемирные имперские амбиции, которые в прошлом, как считается, терпели крах из-за отсутствия для этого соответствующих технологических средств. Господствующие в нашем российском обществе идеи и настроения исходят из того, что государственно-подобное всемирное объединение, будучи нереальным, плюс к тому еще и не желательным, стало бы формой культурной деградации.

Словом можно сделать такое заключение: человечество как социальное целое складывается объективно, в силу законов общественного развития, о чем, в частности, и свидетельствуют процессы глобализации. Но его нет в качестве субъекта социального действия и возможность стать таким субъектом блокируется национально-государственной и цивилизационно-культурной разнородностью. Нации-государства (сами по себе или даже если бы им удалось сгруппироваться по цивилизациям), наверное, могут, хотя и с трудом, объединиться для решения какой-то отдельной угрозы, как, например, опасность потепления, но они в принципе не могут стать устойчивым объединением, действующим как единое целое. В этом отношении, можно предположить, социальная эволюция подобна биологической: ведь существование человека как вида гарантировано его разнообразием, в частности, и тем, что он существует в виде многих стад, а не сбивается в одно.

Если даже предположить, что человечество станет объединенным под некой единой общепризнанной властной ин-

станцией, то и в этом случае оно не приобрело бы качества, позволяющего ему адекватно отвечать на глобальные угрозы. Глобальные угрозы, как и любые события большого исторического, а тем более общепланетарного, масштаба, являются объективным итогом, своего рода равнодействующей практически бесчисленного числа единичных (индивидуальных и групповых) действий и отличаются от них как сумма отличается от слагаемых. Величайший урок истории состоит в том, что судьбы народов и государств не зависят от правителей, хотя последние, конечно, влияют на них каким-то образом, малозаметным в случае положительных воздействий и более ощутимым – в случае разрушительных, но никогда решающим. Точно так же и судьбы человечества, если бы мы вообразили его в качестве некой устойчивой, самовоспроизводящейся социальной общности, не могут зависеть от тех, кто стал бы им управлять, сколь бы разумными те ни были. Социология и философия истории говорят о том, что организация больших масс людей подчиняется своим объективным законам, и общественное развитие надо рассматривать как естественно-исторический процесс, аналогичный природному. То обстоятельство, что социальные (исторические, общественные) законы реализуются в форме (через посредство) сознательной деятельности людей не ослабляет, тем более не отменяет их объективности, а скорее усиливает ее.

3

Единство человечества маловероятно или вовсе исключительно на коллективном уровне и в форме общеобязательных юридически гарантированных управленческих решений. Оно невозможно сверху. Но не может ли оно приобрести реальность, стать действенной силой на индивидуальном (личностном, персональном) уровне и в форме нравственно-ответственной позиции? Не может ли оно сложиться снизу, в качестве антропологически закрепленного способа существования человеческих особей? Положительный ответ на эти вопросы кажется более, чем фантастическим, но возможным. Если исключить апокалипсический сценарий, такой ответ может стать даже единственно реальным, поскольку другой, привычный, апроби-

рованный путь цивилизационного развития оказывается просто невозможным. Речь идет о следующем: понятие «человечество» может наполниться адекватным содержанием и стать реальностью, приобрести действительную силу только в качестве человечности всех составляющих его индивидов. Отвечая на вопрос «Что такое человечество?» мы можем сказать: человечество – это человечность. Переход от человечества как идеи-идеала, сложившегося на заре цивилизации, к человечеству как реальной практике, новому уровню эволюционного развития может осуществиться не за счет отказа от этого идеала, а путем его воплощения, «низведения» до уровня факта. В этом смысле старая философская абстракция единства человека и человечества оказывается в высшей степени актуальной и жизненной. Здесь опять может быть уместной аналогия с биологической эволюцией: природа гарантирует сохранность вида тем, что видовые признаки закреплены (заложены, закодированы) в организме каждой особи (собственно, понятие вида и обозначает совокупность особей с определенными одинаковыми признаками, определяющими их способ существования). Так же действует и социальная эволюция с той лишь разницей, что она не закладывает человечность в качестве родовой сущности человека изначально в каждого индивида, а предполагает в качестве его свободного решения, до которого ему предстоит дойти в ходе длительного исторического развития..

Если человек отличается от механических тел и от других живых существ, если наличие в нем разума и души что-то всерьез значат и призваны придать вселенной новое качественное состояние, то отсюда, как минимум, следует, что он может сам задавать условия своего собственного существования, а не только подчиняться внешним воздействиям, а также инстинктам и желаниям своего тела. И речь идет о том, чтобы в самом индивидуальном существовании подняться до родовой сущности, осознания изначального единства с человечеством. Это значит, что индивидуальная программа человечности, тождественная человечеству, должна стать фактом сознательной деятельности индивидов, действующим в естественном и автоматическом режиме повседневной жизни, таким же, например, как привычка людей приветствовать друг друга или отказ

от инцеста и каннибализма – ведь и то, и другое суть факты человеческой повседневности, за которыми нелегкий и длительный путь их культурной обработки.

Существуют, по крайней мере, два возражения против самой возможности человечности как работающей, действенной универсальной нормы, требующие аргументированного ответа. Во-первых, от нормы нет прямого перехода к поступку, а поступки всегда индивидуализированы, единственны, как и сами индивиды, которые их совершают. Ведь идея блага человечества не нова, на уровне долга она вполне общепризнана. Только понимается и конкретизируется она по-разному, настолько по разному, что может служить – и служит – точкой отсчета и самооправданием даже для заклятых врагов, представляющих противоположные стороны в военной войне. Во-вторых, тот партикуляризм национальных и иных культурно детерминированных интересов, который, как уже отмечалось, блокирует их общечеловеческий синтез, получает также выражение во внутреннем душевном строе и поведении представляющих эти интересы индивидов. И как могут они сочетать одно с другим, национальный эгоизм с объединяющим всех людей общечеловеческим началом?

Оба этих возражения снимаются, если человечность, о которой идет речь, рассматривать в контексте негативной этики и понимать не как содержательную позитивную программу, а как совокупность безусловных запретов. Запрет является особой нормой, так как он может прямо, без опосредствования частной посылкой, перейти в поступок, заключающийся в не-делании того, что запрещено. Для того, чтобы подчиниться запрету на определенные поступки, индивиду не требуется ничего дополнительного (особого), кроме собственной воли следовать этому запрету. Говоря о действенности запретов в общем смысле, речь, следовательно, может идти только о том, относятся ли они к очевидным в своей определенности конкретным поступкам и принимаются ли индивидом в их обязывающей силе. Что касается конкретно человечности как выражения родовой сущности человека, то вопрос сводится к следующему: может ли она воплотиться в запретах, способных стать нравственно обязывающей индивидуальной позицией?

Человечность или гуманность в широком смысле является синонимом моральности и может быть расшифрована как любовь к человеку, делание добра ему. Однако это общее положение является недостаточным для того, чтобы решить, как вести себя, какое совершить действие в той или иной конкретной ситуации. Легко догадаться, что, например, верующий отец и свободомыслящий отец, одинаково любя каждый своего ребенка и желая добра ему, будут рассказывать им разные истории и давать читать разные книги. Также будут разными в рамках той же самой общей нормы действия отца-христианина и отца-мусульманина. Вполне естественно и нравственно достойно желать блага своему отечеству и соотечественникам, однако в рамках такой установки в истории России одни общественные деятели призывали оградить Отечество от западного влияния, другие – всячески культивировать такое влияние. И так едва ли не во всех вопросах и ситуациях, что вполне естественно, нормально: разные люди, разные мнения, разные позиции. Иначе предстает проблема человечности, если перевести ее на язык запретов, что, впрочем, этика по преимуществу и делала издавна, формулируя свои кодексы поведения.

Существуют, как минимум, два запрета: на насилие («Не убий») и на ложь («Не лги»), которые однозначны в том, что из них следует (чего должно не делать) для того, кто принимает их, и которые безусловно человечны, ибо утверждают человечество в лице каждого человека. Они не задают содержания поступка, а только архитектуру отношений между людьми, притом такую архитектуру этих отношений, которая нацелена на поддержание человечества во всей полноте составляющих его индивидов. Понятая таким образом человечность не противоречит и не исключает многообразие партикулярных интересов и ситуаций, напротив, она санкционирует их возможное разнообразие. Смысл этих запретов заключается в том, что они блокируют действия, которые отлучают индивида от родовой сущности, как если бы он сам был больше, чем человек. Они включают индивида в человечество, не позволяя ему в то же время возвыситься над ним.